

Сергей Патрушев

Глаза мести

Сергей Патрушев

Глаза мести

«Автор»

2026

Патрушев С.

Глаза мести / С. Патрушев — «Автор», 2026

Девятнадцатилетняя Лия — сирота из маленького лесного клана, выросшая под опекой старого кузнеца. Её мир рушится в одно мгновение, когда безжалостный Клан Железного Когтя стирает её дом с лица земли, а наставник погибает у неё на глазах. В миг отчаяния в Лии пробуждается древняя сила: её глаза наливаются кровью, время замирает, а тело превращается в смертоносное оружие, но дар, спасший выживших, пугает их сильнее врага. Изгнанная и проклятая, Лия отправляется в путь, где учится не только уничтожать, но и видеть сквозь ложь, иллюзии и чужие маски. От подпольных магических арен до королевского дворца, от безжалостной мести до осознания своего предназначения ей предстоит узнать, что истинная сила не в пламени, а в правде, которую оно освещает.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Искра в пепле	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Сергей Патрушев

Глаза мести

Глава 1. Искра в пепле

Мир Лии всегда был ограничен частоколом, но этот частокол был для неё не просто стеной. Это была кожа их маленького мира, шершавая, потрескавшаяся от зимних морозов и пропитанная смолой, которую варили каждую осень, чтобы защитить дерево от гнили и сырости. Лия знала на ощупь каждую занозу в этих бревнах, потому что помогала Кайдо менять подгнившие опоры с двенадцати лет. Границей её вселенной служили не горизонты, манящие неизведанным, не карты далеких земель, о которых иногда рассказывали заезжие торговцы, а именно эти заостренные верхушки кольев, вкопанные в глинистую, скупую на урожай почву восточной окраины. За этими стенами лежал лес. Лес был живым существом: он дышал туманами по утрам, скрипел стволами вековых сосен, когда ветер гнал по долине холодный воздух с гор, и был пропитан запахом прелой хвои, смешанным с терпким ароматом смолы, выступившей на коре, словно янтарные слезы. А дальше, говорил Кайдо, лежали земли, принадлежащие другим. Тем, кто сильнее. Тем, кто никогда не насытится. Но здесь, внутри, в поселении Клана Теней, каждый камень, служивший порогом хижины, был знаком, каждая тропа, ведущая к ручью, была протоптана поколениями их предков до такой степени, что земля там стала твердой, как керамика. Это был маленький клан, едва ли сотня душ, затерянный в предгорьях, словно случайно оброненная кем-то монетка, и живущий по законам, которые диктовала не сила, а осторожность. Их философия была проста: тот, кто невидим, тот выживает. Тень не имеет формы, в тень нельзя попасть стрелой.

Этим утром тишина была обманчивой до зловещести. В воздухе висела какая-то особенная, звонкая прозрачность, какая бывает только перед сильной грозой или большой бедой. Птицы, обычно устраивавшие шумную переключку в кронах, замолкли. Даже кузнечики в траве притихли, и эта всеобъемлющая тишина давила на барабанные перепонки сильнее, чем любой крик. Лия стояла у входа в старую кузницу — приземистого строения, сложенного из грубого камня и обмазанного глиной, чтобы искры не подожгли соломенную крышу. Крыша, к слову, давно прохудилась, и Кайдо всё грозился залатать её до начала сезона дождей, но, как обычно, находились дела поважнее: кому подковать лошадь, кому выправить плуг, кому перековать сломанный меч, помнящий ещё времена Войны Трёх Перевалов. Лия перебирала инструменты, разложенные на верстаке: молотки с отполированными десятилетиями рукоятками, клещи, чьи губки сточились от жара, зубила, покрытые тонкой сеткой микроскопических трещин. Каждый предмет хранил тепло рук её наставника. Старый Кайдо, кузнец и воин в прошлом, учил её не просто ковать металл. Он учил её чувствовать металл, понимать его душу, если таковая может быть у сплава железа и углерода. Его голос, скрипучий, как несмазанная петля, которую он сам же и сделал тридцать лет назад, всегда звучал у неё в голове, когда она касалась ледяной стали. «Клинок — это продолжение твоего позвоночника, Лия, — говорил он, поправляя её стойку шершавой, покрытой мозолями и мелкими ожогами ладонью. — Держи спину прямо, как ствол молодого дуба. А гнев держи глубоко, на самом дне живота, как непереваренный камень. Если ты обнажила меч, твоё сердце должно быть холоднее лезвия. Горячее сердце — это смерть. Смерть твоя и тех, кого ты поклялась защищать». Эти уроки были всем, что у неё было. Всей её семьёй, всей её школой, всей её религией. Её родители сгинули в Лихорадочные болота три зимы назад, когда пытались найти редкие целебные корни,

чтобы продать их в городе и купить Лие новые сапоги. Болото не вернуло даже тел. С тех пор Лия носила старые, латанные-перелатанные сапоги, а Кайдо заменил ей и отца, и мать, и совесть.

Воздух пах гарью еще до того, как показался первый всадник. Но это был не запах обычного печного дыма, который витал над деревней каждый вечер и к которому давно привыкло обоняние. Это был запах ядовитого, злого горения. Горело промасленное тряпье, горела смазка на осях телег, горели человеческие запасы на зиму. Лия заметила дым, стелющийся над кронами деревьев черной, жирной змеей, которая извивалась и росла с каждой секундой, но сначала приняла его за сигнальный костер дозорных. Она даже подумала: «Странно, дозорные используют сухой можжевельник, чтобы дым был белым. Черный дым — это плохая примета». Однако дым был слишком густым и жирным, он оседал на листьях маслянистой пленкой, он забивал ноздри так, что хотелось кашлять. Горело не дерево, не простой хворост — горел человеческий труд, кровля амбаров, вязанки льна, предназначенные для зимней пряжи, запасы ржи и овса, ради которых всё лето гнули спины женщины и дети. Лия ощутила, как внутри разрастается комок холодной тревоги, сковывающий внутренности ледяным панцирем. Когда частокол на северной стороне рухнул, звук был не просто громким. Это был звук, который она прочувствовала всем телом. Хруст ломающихся бревен был настолько глубоким, словно ломались кости гигантского зверя. Земля содрогнулась так сильно, что с полки кузницы слетел старый глиняный горшок с закалочным маслом и разбился вдребезги, залив земляной пол черной лужей. Зубы Лии лязгнули, и она ощутила на языке металлический привкус — привкус пыли и надвигающейся катастрофы.

Клан Железного Когтя не вел переговоров. Они вообще не считали нужным разговаривать с теми, кого считали ниже себя, а ниже себя они считали всех, кто не мог выставить в поле хотя бы полсотни латников. Их политика была проста и ужасающа в своей примитивности: ресурсы сильного забирает сильнейший. Они пришли карательным рейдом, но слово «карательный» подразумевало какую-то вину наказуемого. Клан Теней не был ни в чем виноват перед ними. Они не нарушали границ, не воровали скот, не уводили женщин. Просто на очередном совете в далекой каменной цитадели кто-то из лордов Когтя ткнул пальцем в карту и сказал: «Здесь есть поселение. Они слишком близко к нашим новым охотничьим угодьям. Уберите их». И вот, ярость захватчиков обрушилась на деревню, и была она холодной, расчетливой, лишенной той дикой страсти, которую воспевают в балладах о великих битвах. Это была не битва. Это была работа мясников на бойне. Лия видела, как они врываются в поселение: тяжелая пехота в пластинчатых доспехах, выкрашенных охрой и сажей в цвет запекшейся крови. Их шлемы с узкими прорезями для глаз делали солдат похожими на безликих големов, автоматов, запрограммированных только на разрушение. Легкие застрельщики с арбалетами бежали по флангам, и их оружие было новым, блестящим, с тугими стальными дугами, в отличие от старых деревянных самострелов Теней. Их знамена с изображением сжатой стальной лапы развевались над головами захватчиков, символизируя хватку, из которой не вырваться. Эта лапа была вышита алыми нитками, и на солнце казалось, что она сжимается и разжимается, как живая.

Старейшина Тамир, седой как лунь старик, чьи руки помнили еще времена, когда клан насчитывал три сотни человек и владел землями до самой реки, вышел вперед. Он шел медленно, с достоинством, которое дается только возрастом и пережитыми горестями. В его руках была ритуальная чаша, вырезанная из цельного куска горного хрусталя — единственная драгоценность клана, передаваемая из поколения в поколение. Он нес её, наполненную землей с могил предков, как символ смирения и просьбы о пощаде. Земля, из которой они вышли, земля, в которую они уйдут. Это был универсальный жест покорности, понятный даже самым

диким племенам. Лия смотрела на старика, и в её груди теплилась глупая, детская надежда: вдруг воины Когтя остановятся, примут дар, и все закончится выкупом и данью? Арбалетный болт прошил горло Тамира раньше, чем старик успел произнести первое слово приветствия. Звук был отвратительным: влажным, хрустящим, противоестественным. Наконечник, широкий, рассчитанный на пробитие доспехов, вышел с обратной стороны шеи, раскрошив позвонки. Чаша выпала из ослабевших пальцев и упала в грязь. Горный хрусталь дал трещину, и земля смешалась с кровью, мгновенно превратившись в грязное, черное месиво. Этот образ навсегда отпечатался в сознании Лии: символ их истории, разбитый и залитый кровью главы их рода. В этот момент она поняла, что это не война и не наказание. Это полное, тотальное уничтожение.

Толпа захватчиков хлынула в проем, сметая хлипкие баррикады из телег, которые жители успели выкатить в отчаянной попытке перекрыть брешь. Лия застыла на долю секунды, парализованная масштабом происходящего. Её мозг отказывался воспринимать реальность, в которой утро началось с запаха каши и перестука молотка, а теперь превратилось в преисподнюю. Но инстинкт выживания, взращенный суровой жизнью на границе, взял верх. Она метнулась внутрь кузницы, к стене, где на деревянных кольшках висело оружие. Это был их с Кайдо арсенал, гордость старого мастера. Она схватила длинный меч, который они только вчера закончили шлифовать. Лия помнила каждую стадию его рождения: как Кайдо выбирал крицу с минимальным количеством шлака, как они сворачивали и проковывали сталь в десять слоев, добываясь той самой зыбкой ряби на поверхности, которую он называл «дыханием металла». Меч был еще без надлежащей оплетки на рукояти, и грубая, невыделанная кожа, обмотанная вокруг хвостовика, сразу же начала натирать ладонь, обещая кровавые мозоли. Но выбора не было. Меч был острым, идеально сбалансированным, и сейчас это было единственное, что имело значение.

Она бросилась к дому наставника, петляя между горящими хижинами, словно загнанный зверь. Улицы превратились в полосу препятствий. Повсюду валялись перевернутые кадки, рассыпанное зерно, хрустящее под ногами, словно битое стекло, и тела. Те, кто не успел убежать. Учительница младших детей, тетюшка Мара, лежала на пороге своего дома с разрубленной ключицей, прижимая к груди учебные дощечки, будто они могли её защитить. Лия перепрыгнула через неё, чувствуя, как к горлу подступает ком тошноты, но заставляя себя бежать дальше. В ушах стоял визг женщин и плач детей, которых безжалостно выволакивали на улицу за волосы и воротники. Этот звук был хуже, чем грохот боя. Это был звук отчаяния, звук рушащегося мира. Огонь пожирал сухую дранку крыш с жадным, почти радостным шипением, поднимая к небу снопы янтарных искр. Эти искры кружились в восходящих потоках горячего воздуха, словно злые духи, танцующие танец разрушения.

Она нашла Кайдо недалеко от его жилища, у развилки, где рос старый, дуплистый вяз, бывший свидетелем сотен деревенских сходов. Он стоял спиной к пылающему сараю, и его фигура, облаченная в промасленный, прожженный в десятке мест кожаный фартук, казалась выкованной из того же металла, с которым он работал всю жизнь. Сарай за его спиной ревел, выбрасывая языки пламени в окна, но старик даже не пригибался, словно жар был ему нипочем. В руках у него был не меч, не алебарда, а его тяжелый, четырехфунтовый кузнечный молот на длинной рукояти. Он отбивался от троих солдат Когтя. Двигался он не плавно, не изящно, как учил на тренировках Лию, а экономно, скупно, используя исключительно инерцию своего орудия и вес собственного тела. Это был стиль боя человека, который привык подчинять металл своей воле. Удар молота проламывал щиты, дробил кости. Один из нападавших уже лежал на земле в неестественной позе, с проломленным шлемом, из-под которого выте-

кала густая темная жидкость. Но остальные двое наседали, держа дистанцию, делая ложные выпады, заставляя старика тратить силы. Они знали, что делали. Это были профессионалы, выученные выматывать сильного противника.

Командир отряда стоял чуть поодаль, прислонившись плечом к стволу вяза. Это был крупный мужчина, закованный в латы лучшего качества, чем его подчиненные. На его плече красовалась нашивка в виде когтя, вышитого серебряной нитью — знак отличия ветерана. Лицо его, частично скрытое поднятым забралом, выражало скуку. Он наблюдал за схваткой с ленивой усмешкой сытого хищника, который уже загнал добычу в угол и теперь растягивает удовольствие. Ему надоело ждать. Он выпрямился, потянулся, хрустнув шейными позвонками. В тот момент, когда Кайдо занес молот для очередного удара, целясь в колено ближайшего пехотинца, командир сделал неувловимое, почти ленивое движение кистью. Метательный нож, узкий, черный, без единого блика, вошел Кайдо под левую ключицу, пробив фартук и тонкий слой кольчуги под ним, туда, где броня не прикрывала тело. Это был профессиональный бросок убийцы.

Лия закричала. Этот звук вырвался из её груди помимо воли, дикий и срывающийся на высоких, почти звериных нотах. Это был крик, в который вложились все годы сиротства, все страхи и вся любовь к этому ворчливому, пахнущему углем и металлом старику. Она бежала слишком медленно. Земля под ногами превратилась в вязкую патоку, воздух сопротивлялся, словно вода. Каждая секунда растянулась в бесконечность. Она видела, как наставник опускается на одно колено. Он не выронил молот, нет. Он оперся на него, как на посох, его дыхание стало тяжелым, kloкочущим, булькающим. Из раны толчками, синхронно с ударами его старого, изношенного сердца, выплескивалась алая, слишком яркая на фоне грязного фартука жидкость. Солдаты замерли, повинувшись негласному приказу своего командира, давая тому насладиться моментом. Командир подошел ближе, неспешно, походкой хозяина. Он постучал носком латного сапога по головке кузнечного молота, заставляя рукоять вибрировать в ослабевших руках Кайдо, и рассмеялся. Смех был гортанным, лающим. Лия была уже в десяти шагах, когда он лениво, почти небрежно, словно выполняя рутинную работу, вынул свой клинок — широкий тесак с зазубриной у гарды, предназначенной для захвата вражеского лезвия — и одним боковым ударом перерезал старому кузнецу горло. Голова Кайдо запрокинулась, открывая рану, похожую на второй, кровавый рот. Его глаза, еще мгновение назад полные решимости, остекленели, уставившись в задымленное небо.

Время остановилось. Это не было метафорой, поэтическим преувеличением или фигурой речи. Для Лии, находившейся в состоянии сильнейшего эмоционального шока, мир действительно замер. Она увидела, как капли крови ссыпаются с лезвия тесака. Каждая капля, отделившаяся от полированной стали, была идеальной, вытянутой книзу сферой, похожей на рубин или застывший гранат. Они летели в воздухе мучительно медленно, и Лия могла рассмотреть преломление света в каждой из них. Свет пожара за спиной командира застыл языками пламени, похожими на выцветшие витражи в старом, заброшенном храме за перевалом. Крик, застрявший в её горле, оборвался, превратившись в твердый ком, который она не могла ни проглотить, ни вытолкнуть. Наступила тишина — звенящая, глубокая, первозданная, как на дне высохшего колодца, когда слышен только стук собственного сердца. А затем мир рухнул на неё, окрашенный в цвет свежей раны. Красная пелена застлала глаза не метафорически, а физически. Сосуды в склерах лопались один за другим, словно струны натянутого до предела арфы, заполняя белки багрянцем.

Боль была не физической. Хотя тело и кричало от перенапряжения, боль была чисто эмоциональной, душевной, но такой силы, что каждая клетка, каждый нерв, каждый волосок на коже загорелись агонией. Это была боль от потери последнего родного человека в мире, помноженная на абсолютную, всепоглощающую несправедливость происходящего. Она смотрела на оседающее тело Кайдо, на то, как его мозолистые пальцы, пальцы, которые могли согнуть подкову, теперь безвольно скребут по утоптанной земле, и внутри неё что-то сломалось окончательно и бесповоротно. Барьер, отделявший рациональный человеческий разум от древнего, первобытного инстинкта, рухнул, словно плотина под напором реки. Глаза начало жечь так, будто в глазницы плеснули расплавленным свинцом. Это было жжение изнутри, будто за зрачками разгорался маленький, но невероятно яркий костер. Она не чувствовала, как мелкие сосуды продолжали лопаться, и кровь смешивалась со слезной жидкостью. Если бы кто-то посмотрел на неё в этот момент, он бы увидел не девушку, а жуткую маску: два бездонных красных провала, сочащихся кровавыми слезами, стекающими по щекам и капающими с подбородка. Её зрачки исчезли, закатившись или расширившись до такой степени, что радужка пропала, превратившись в две черные точки, горящие в центре адского пекла.

Трансформация заняла долю секунды по реальному времени, но для Лии она растянулась в субъективную вечность. Она чувствовала, как каждая мышца в её теле наливается чужеродной, пугающей, искрящейся энергией. Энергия эта растекалась по венам вместо крови, заставляя кожу зудеть и покалывать, словно тысячи иголок впивались в неё изнутри. Она никогда не училась сражаться с мечом так, как солдаты Когтя. Да, Кайдо показывал ей основы, но её подготовка была скорее ремесленной: как удержать клинок, как не порезаться, как наточить его до бритвенной остроты. Но теперь, в этом измененном состоянии сознания, она знала. Знала каждую возможную траекторию атаки, каждую уязвимую точку в доспехах врага, каждый угол отклонения. Знание пришло из ниоткуда, как будто сама сталь, зажатая в её руке, нащёптывала ей прямо в позвоночник, в спинной мозг, инструкции по убийству. Рукоять меча перестала быть неудобной и грубой, она приросла к ладони, стала горячим, пульсирующим продолжением её ненависти, словно выросшим из плоти шипом.

Она рванулась вперед не шагом, не прыжком, а длинным, стелющимся над землей скольльзящим движением, которое никогда не практиковала и которому её никто не учил. Тело слушалось не разума, не сознательных команд, а глубинной, животной интуиции, проснувшейся в самых темных уголках генетической памяти. Первый солдат, тот, что стоял ближе всех к Кайдо, начал медленно, как под водой, поднимать арбалет. Для Лии, чье восприятие ускорилось до нечеловеческих пределов, его движение было смазанным, предсказуемым и до смешного медленным, словно он двигался в густом меду. Вязкая субстанция замедленного времени позволяла ей видеть траекторию сокращения каждого его сухожилия, напряжение бицепса, поворот плечевого сустава. Она просто ушла с линии выстрела, развернувшись на пятке с грацией танцовщицы. Её собственное движение было настолько быстрым и плавным, что воздух свистнул, расступаясь перед телом. Она рубанула наискось, выбрав идеальный угол, туда, где пластины доспеха, украшенные неумелой гравировкой в виде змей, стыковались друг с другом, оставляя микроскопический зазор. Сталь «дыхания металла» вошла в плоть с тошнотворным, мокрым чавканьем, будто разрубили арбуз. Из разрушенной сонной артерии ударил пульсирующий фонтан, окативший Лию горячими, липкими брызгами. В обычной жизни, за завтраком, обсуждая с тетусшкой Марой рецепт ячменной похлебки, Лия упала бы в обморок от одного вида такого количества крови. Но сейчас её красные, пылающие глаза лишь автоматически отметили геометрию брызг, траекторию разлета капель, чтобы не поскользнуться в следующем шаге на ставшей скользкой от крови траве.

Это была самурайская точность, но лишенная какого-либо дзен-спокойствия. Это была точность, замешанная на звериной, берсеркской грации. Её танец начался. Он был ужасен и завоораживающ одновременно. Клинок двигался по дугам, прямым, восьмеркам и зигзагам, рисуя в воздухе смертоносную каллиграфию. Она не чувствовала сопротивления плоти, не слышала хруста костей — все это приходило как отдаленная, приглушенная информация, второстепенная по отношению к основной задаче: убить их всех. Она нанизывала противников на острие, пробивая грудные клетки насквозь, как будто те были сделаны из воска, а не из плоти и костей. Она вспарывала животы, выпуская наружу скользкие, дымящиеся на холодном воздухе внутренности. Она отсекала конечности, руки, сжимающие оружие, ноги, пытающиеся убежать. Пожар позади бушевал с нарастающей силой, перекидываясь с крыши на крышу, и его сухой, испепеляющий жар заставлял воздух дрожать и искажать перспективу. Лия внезапно поняла, ощутила каким-то новым, шестым чувством, что огонь — не враг, а её союзник, её послушный слуга. Протянув левую ладонь, все еще чистую от крови, к горячей балке, упавшей неподалеку и продолжающей яростно полыхать, она инстинктивно, не задумываясь, скрутила пальцы в замысловатый захват, будто сжимала не воздух, а податливую глину. Пламя, словно живое существо, почувствовало призыв. Оно послушно, жадно лизнуло её раскрытую ладонь, но не обожгло, не причинило боли, а собралось в плотный, ревущий, вибрирующий от заключенной в нем мощи шар размером с человеческую голову. Лия почувствовала его вес, его жар, его нетерпение. С диким, нечленораздельным криком, больше похожим на боевой клич стихийного духа, она швырнула этот шар в группу арбалетчиков, занявших выгодную позицию у рассыпанных мешков с зерном. Раздался взрыв, не громкий, не пороховой, а глухой, хлопковый, утробный. Воздух вокруг мешков мгновенно раскалился добела. Людей накрыло волной жара, от которого плавилась стальная застежка ремней, вспыхивали, словно порох, волосы на головах, а кожа мгновенно покрывалась чудовищными ожогами и лопалась, обнажая мясо. Запахло паленой плотью и горелым зерном.

Враги кричали. Их крики были полны ужаса, той самой паники, которую они сеяли в деревне еще несколько минут назад. Командир отряда перестал улыбаться. Его сытая, ленивая усмешка сползла с лица, сменившись гримасой неверия и животного страха. Он отступил на шаг, инстинктивно выставив перед собой окровавленный тесак, которым только что убил старика, как талисман, как защиту от надвигающегося кошмара. Теперь он был не палачом, а испуганным, загнанным в угол хищником, внезапно увидевшим перед собой более крупного, более свирепого монстра. В его расширенных зрачках, в глубине прорезей шлема, отражался колышущийся, зловещий силуэт девушки с белыми от пепла волосами, стоящей посреди бойни, окруженной горами изуродованных тел и танцующими языками пламени. Лия видела его страх. Она могла читать его так же легко, как меню в трактире. В своем замедленном мире она могла разглядеть, как расширяются его поры на носу, как капля холодного пота медленно, словно улитка, ползет по виску, пробивая дорожку в копоти и грязи. Она видела, как дрожат его пальцы, сжимающие рукоять тесака. Она не дала ему времени ни на молитву, ни на последние слова, ни на обещание выкупа. Она не хотела слышать его голос, тот самый, что смеялся над умирающим Кайдо. Она просто прыгнула. Для уцелевших жителей деревни, осмелившихся выглянуть из укрытий, она просто исчезла, растворилась в воздухе, оставив после себя лишь смазанный, тающий силуэт и резкий хлопок вытесняемого воздуха, и возникла прямо за спиной командира. Её длинный меч, нагретый до пугающей температуры, вошел ему между лопаток с такой силой, что кончик лезвия, пройдя сквозь сердце и легкие, вышел из груди, раздробив и расколов пополам эмблему стального когтя на нашивке. Лия навалилась всем телом, проворачивая клинок в ране, чувствуя, как вибрация стали передает ей последние, конвульсивные сокращения сердечной мышцы врага. Рывком, с мерзким скрежещущим звуком, она

выдернула оружие, и тело, мгновение назад бывшее грозой этих земель, рухнуло лицом в грязь, в ту самую грязь, которая уже успела впитать в себя кровь Кайдо.

Отряд захватчиков, зажатый в огненном мешке между горящими домами и этой бело-волосой, окровавленной фурией с пылающими красным глазами, полностью потерял строй и всякое подобие боевого духа. Элитные солдаты Когтя, прошедшие не одну кампанию, превратились в стадо перепуганных овец. Они бросали оружие, пытались бежать, но Лия двигалась среди них, не чувствуя ни усталости, ни жалости. Она была стихией. Слезы, все это время непрерывно текущие из её воспаленных глаз, смешивались с кровавой пеленой, создавая на щеках причудливые разводы, но она не замечала их, пока резала, колола и жгла. Она уничтожила пятнадцать хорошо обученных, экипированных бойцов за отрезок времени, который требуется неторопливому человеку, чтобы вскипятить чайник воды для утреннего чая. Когда последний из рейдеров, молодой парень с пробивающимися светлыми усиками, попытался уползти на одних руках, волоча за собой перебитые ноги, она настигла его одним прыжком. Удар сверху вниз раскроил ему череп почти до шеи.

Когда последний враг упал, наступила оглушительная, звенящая тишина. Она навалилась внезапно, как физическая сила, давящая на барабанные перепонки. Слышен был только рев и треск пожирающего деревню пожара, да редкий, жалобный звон лопающихся от жара стеклянных вставок в окнах дома старейшины. Сила, питавшая Лию, поддерживавшая её в этом нечеловеческом состоянии, схлынула так же внезапно, как и появилась. Это было похоже на падение с огромной, головокружительной высоты в ледяную воду горного озера. Весь воздух разом вышел из легких. Меч, ставший на время частью её тела, выпал из ослабевших, дрожащих пальцев и с глухим, безжизненным звоном ударился о камни. Кровь в глазах начала постепенно рассеиваться, красная пелена истончалась, уступая место обычному, цветному миру. Но мир этот был ужасен. Вместо красной вуали ярости она увидела последствия того, что натворила, с кристальной, беспощадной ясностью. Земля вокруг, на добрых десять метров в диаметре, пропиталась кровью так, что чавкала и хлюпала под сапогами, как болотная топь. Повсюду, в самых нелепых и чудовищных позах, лежали изуродованные, расчлененные тела. Некоторые все еще дымились, от них поднимался пар, смешанный с запахом горелого мяса и паленого волоса — запах, который невозможно забыть. Её собственные руки, руки, которые еще вчера перебирали лепестки ромашки для целебной мази, были покрыты толстой, запекшейся коркой крови по самый локоть, под ногти забились куски плоти и осколки костей. Она подняла их, разглядывая, как нечто чужеродное, приделанное к её телу по ошибке. К горлу подступил неудержимый спазм, желудок скрутило в тугой узел, и её вырвало горькой желчью прямо на землю, туда, где лежал разрубленный шлем с нашивкой стального когтя.

Она подняла голову. Из-за остовов сгоревших телег, из подвалов, из-за уцелевших плетней начали робко, неуверенно выходить люди. Её люди. Клан Теней. Те, ради кого она, в каком-то смысле, и совершила эту бойню. Их было мало, до боли, до слез мало — может быть, пятьдесят человек из ста. Женщины прижимали к себе дрожащих, заплаканных детей, закрывая им лица грязными ладонями, чтобы те не видели горы трупов. Мужчины, те, что выжили, сжимали в руках вилы, топоры и охотничьи ножи — жалкое, смехотворное оружие против латной пехоты. Но никто не смотрел на Лию с облегчением. Ни на одном лице не отразилось спасение или благодарность. На их лицах застыл ужас. Тот самый, первобытный, липкий ужас, который они испытывали перед солдатами Железного Когтя. Они смотрели на неё, на эту окровавленную, белую от пепла фигуру, стоящую посреди горы изрезанного мяса, и не узнавали. Они видели перед собой не Лию, сироту-помощницу кузнеца, которая всегда кланялась первой и

уступала дорогу старшим. Они видели чудовище, демона, вырвавшегося из их собственных ночных кошмаров.

Старая знахарка Мира, сгорбленная старуха с лицом, изрезанным глубокими морщинами, как кора древнего дуба, вышла вперед, тяжело опираясь на сучковатую палку. Она знала Лию с самого рождения, она принимала роды у её матери долгой, дождливой ночью, она поила её горькими травами от лихорадки, когда девочке было пять лет. Теперь же её лицо было серым, как зола после пожара, а в выцветших старческих глазах плескался суеверный страх. В дрожащей руке она сжимала амулет-оберег, вырезанный из кости священного зверя — древний артефакт, в который они верили больше, чем в богов. «Одержимая», — прохрипела она, вытягивая вперед скрюченный, узловатый палец, обвиняя Лию перед всем кланом. Слово, брошенное знахаркой, повисло в густом, пропитанном гарью воздухе, как удар колокола. «Дух разрушения вселился в неё! Я видела это! Видела её глаза!» Толпа отпрянула, словно единый организм. Матери, рыдая, уводили детей подальше, закрывая их собой. Мужчины, еще минуту назад готовые биться насмерть с захватчиками, переглядывались, и в их затравленных взглядах Лия читала не приговор, а нечто гораздо худшее — полное отрицание её человеческой сущности. Несколько минут назад она была их соседкой, их частью, пусть и не самой заметной. Теперь она была угрозой, неизвестной переменной, которую нужно устранить.

«Я... я защищала», — её голос сорвался на шепот, слова царапали пересохшее, опухшее горло, выходя наружу с хрипом. Она попыталась сделать шаг к ним, шаг примирения, шаг в поисках утешения, объятий, хоть какого-то тепла. Толпа шарахнулась назад, как от прокаженной, как от чумной крысы. Кто-то, молодой парень по имени Бран, с которым она играла в детстве в салки, поднял с земли камень. Небольшой, острый булыжник ударил Лию в плечо, заставив пошатнуться. Боль была тупой, но в контексте всего произошедшего она стала последней соломинкой,ломавшей спину верблюда. За первым камнем последовали испуганные выкрики: «Уходи!», «Убирайся, проклятая!», «Из-за тебя они вернутся!». В их голосах не было ненависти к ней, нет. В них был липкий, животный, иррациональный страх. Они боялись, что демон, сидевший в ней, мог вырваться снова в любой момент и обрушиться уже на них. В конце концов, они видели, как она двигалась. Люди, простые смертные люди, не могут так двигаться. Люди не могут повелевать пламенем, не обжигаясь при этом, не могут швыряться им, как снежками.

Лия стояла, окруженная телами врагов, от которых она спасла их жизни, и чувствовала себя абсолютно, космически одинокой. Она была одна в эпицентре кровавого шторма, который сама же и создала. Она медленно перевела взгляд на тело Кайдо. Старый кузнец все так же лежал на боку, его лицо, даже в смерти, даже с ужасной раной на горле, сохраняло выражение сурового достоинства и покоя. Он был призван своим ремеслом, он умер с молотом в руке, защищая свой дом. Он не осудил бы её. Она знала это так же твердо, как знала марки стали. Он бы, возможно, крикнул в свою седую бороду, окинув взглядом побоище, и сказал бы что-то вроде: «Горячее сердце, девочка, и стальной позвоночник. Но такой огонь нужно учиться контролировать, иначе он сожжет и тебя саму». Но он был мертв. Единственный человек, который мог бы понять, объяснить, направить. Глаза Лии защищало от подступающих слез, но слезный канал был пуст, выжжен. Вместо слез по щекам потекли остатки бурой сукровицы, смешанной с влагой, оставляя на коже грязные, ржавые дорожки. Она подняла руки и снова посмотрела на ладони. Сквозь корку грязи и крови она видела, как на кончиках пальцев, там, где кожа была наиболее чувствительной, тлеют крошечные, бледно-голубые у основания и золотистые на кончиках искры. Внезапно, повинуясь её внутреннему состоянию смятения и горя, маленький, безобидный на вид язычок пламени вспыхнул сам по себе, заплескался на указательном пальце,

словно ручной зверек. Она испуганно вскрикнула и сжала кулак, и пламя послушно погасло, оставив после себя лишь тонкую струйку сизого дымка и запах озона. Это пугало её саму не меньше, чем жителей деревни. Дар, который спас клан, был проклятием. Это была сила, которую она не просила, сила, которая проявилась из-за травмы и которая теперь навсегда отделила её от простых людей.

С другого конца деревни, где все еще чудом держались старые, увитые плющом восточные ворота, раздался низкий, протяжный, вибрирующий звук рога. Он разнесся над долиной, отражаясь эхом от горных склонов. Это был сигнал к отступлению врага. Основные силы Железного Когтя, видимо, решили, что карательный рейд выполнил свою задачу, что поселение сломлено и разграблено, и не было смысла оставаться дольше. Они не знали, что их передовой ударный отряд полностью, до последнего человека, уничтожен. Возможно, они спохватятся через день, через два. Но этот звук, звук уходящей угрозы, принес не радость, не облегчение, а новую волну паники. Выжившие засуетились, словно муравьи в разоренном муравейнике. Нужно было тушить пожары, пока они не перекинулись на лес, не уничтожили последние запасы. Нужно было собирать раненых, чьи стоны доносились из подвалов, накладывать шины, прижигать раны. Нужно было собирать тела погибших, чтобы предать их земле до заката, по обычаю. Но никто, ни одна живая душа не просил помощи у Лии. Её избегали взглядом. Её просто вычеркнули, исключили из реальности. Она стояла в центре образовавшейся вокруг неё пустоты, словно прокаженная, словно призрак, который и сам еще не понял, что он мертв. Пространство вокруг неё было пропитано её силой и страхом окружающих, и этот коктейль делал его непригодным для жизни.

Она побрела прочь от толпы, ноги несли её сами, автоматически, к руинам кузницы. Крыша обвалилась внутрь, погребая под собой верстак и большую часть инструментов. Горн, сердце кузницы, был разрушен, меха порваны. Инструменты, которые Кайдо собирал десятилетиями, которые пережили несколько войн, были разбросаны, оплавлены или безнадежно искорежены. Всё, что создавал её наставник, всё материальное наследие, было уничтожено. Лия опустилась на колени прямо в горячий, дымящийся пепел у того места, где обычно стояла массивная, врытая в землю наковальня. Наковальня устояла, но была покрыта копотью и брызгами металла. Рядом Лия подняла с земли маленький кусочек недоделанного металла — заготовку для серпа, которую она сама точила этим самым утром, планируя закончить к вечеру. Металл был еще теплым от пожара, но в её обожженной ладони он быстро остыл. Она сжимала его до побелевших костяшек, до боли в суставах, пытаясь найти хоть какую-то опору в этой проваливающейся под ногами реальности. Этот кусок стали был единственной знакомой, понятной вещью в мире, сошедшем с ума. Всё, чему её учили — сдержанность, тишина, спокойствие, терпение — всё пошло прахом за один миг ослепляющей ярости. Путь воина, как его описывал Кайдо, был путем контроля. Она же потеряла всякий контроль, отдавшись на волю инстинктов.

Солнце уже перевалило за полдень и начало медленно, но неотвратно клониться к закату, окрашивая затянутое дымом небо в болезненные, желтушные, оранжевые и багровые тона. Его лучи с трудом пробивали плотную, удушливую пелену черного дыма, висевшую над деревней. Лия сидела среди пепла и руин, чумакая, израненная, с рваными ранами от заноз и мелкими ожогами, с застывшими кровавыми разводами на щеках. Изнутри, в самой сердцевине её существа, разрасталось новое, чуждое, пугающее чувство. Это была уже не просто боль потери, не горечь утраты. Это была раскаленная добела, концентрированная ярость, но ярость, переходящая в новое качество — ледяную, неколебимую, как алмаз, решимость. В ней проснулась сила, которой она пока не знала названия, не знала границ, не знала цены. Древняя, пер-

вобытная сила, искра, зажженная эмоциональным взрывом. Она понимала только одно с предельной, убийственной ясностью: клан Железного Когтя не остановится. Их основная армия может пройти мимо сейчас, но когда они узнают о судьбе пропавшего отряда, они вернутся с утроенной мощью. Они придут снова, чтобы забрать остатки ресурсов, зачистить свидетелей позора и стереть Клан Теней с лица земли окончательно. А её собственный клан, скорее всего, сам выгонит её из поселения до заката, слишком напуганный произошедшим чудом, слишком слабый, чтобы защитить даже самих себя.

Она медленно встала, ощущая, как хрустит в суставах, как ноет каждая мышца. Она машинально отряхнула колени от золы и мелких угольков. В правой руке она все еще инстинктивно сжимала кусок будущего серпа — острый, незаконченный, полный потенциала, совсем как она сама. На её бледном, осунувшемся лице, покрытом маской из копоти, грязи и запекшейся крови, глаза начали медленно очищаться. Багрянец отступал, возвращая радужкам их естественный цвет грозового неба — глубокий, темно-серый, с едва заметными синими прожилками. Но в глубине расширенных зрачков теперь навсегда, неизгладимой печатью, поселился отблеск того самого пламени, которое она приручила. Это был не просто отражение света. Это был внутренний огонь, искра мести, упавшая в выжженный пепел её разрушенной, разорванной в клочья жизни. Искра, которая разгоралась медленно, но неотвратимо, превращаясь в неугасимый пожар. Она больше не была просто Лией, робкой сиротой из маленького, никому не известного клана, мастером по заточке серпов. Она стала оружием. Оружием, которое еще не знало своего истинного предназначения, не знало своей мощи, но уже было приведено в боевую готовность. Она бросила последний, долгий, прощальный взгляд на поселение, где провела всю свою недолгую, полную труда и маленьких радостей жизнь. Она посмотрела на догорающие дома, на скорбные фигуры выживших, уже начавших складывать тела погибших в ряд, и ничего не почувствовала. Только холод. Только решимость. Она повернулась спиной к единственному дому, который знала, и лицом к лесу. Темный, дремучий лес, сейчас освещенный багровыми отсветами пожаров, манил её, обещая убежище или, по крайней мере, путь. Впереди лежал путь, окутанный неизвестностью, полный опасностей и смертельных врагов, но она знала с непоколебимой уверенностью, что не вернется, не сделает ни шагу назад, пока своими глазами не увидит пепелище на месте неприступной твердыни Железного Когтя. Пока их стальная хватка не будет разжата навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.